

Для анализа я взял дневник свидетельницы блокадного Ленинграда, Клавдии Наумовны.

Она была медиком, писала дневник для своего сына, которого называла ласково «Лесик» и «Тюшенька».

Запись дневника велась с 18 декабря 1941 года по 31 декабря 1942 — в последней записи Клавдия писала, что получила возможность встретиться с сыном и передать ему дневник: «И кроме того, в прошлом году не было никаких надежд на свидание с сыном, а теперь есть, и довольно реальные. Так что все к лучшему в этом лучшем из миров, а вернее, в этом чудном и чистом теперь Ленинграде... Итак, за новый, хороший победный год!.. Все. Скоро Лесик из моих рук получит мой дневник.»

В дневнике описана жизнь Клавдии в блокадном городе, она пишет о своей работе, о рациие пищи, который получает медицинский персонал и больные, об общем состоянии города и о том, с чем столкнулся каждый человек, оказавшийся там. Данный дневник может использоваться историками для восстановления событий глазами очевидца, понимания восприятия людьми возникшей ситуации и о повседневной блокадного врача.

Вот, что Клавдия пишет о состоянии больных в течении всего периода ее нахождения в блокаде:

«А я, сыночек, работаю сейчас по новой специальности — терапевтом. Стало поступать много очень истощенных больных, и вот пришлось переключиться. Если бы ты только знал, какие ужасные картины приходится наблюдать! Это не люди, это скелеты, обтянутые сухой, ужасного цвета кожей. Сознание у них неясное, какая-то тупость и придурковатость. И полное отсутствие сил.»

«А я, сыночек, работаю сейчас по новой специальности — терапевтом. Стало поступать много очень истощенных больных, и вот пришлось переключиться. Если бы ты только знал, какие ужасные картины приходится наблюдать! Это не люди, это скелеты, обтянутые сухой, ужасного цвета кожей. Сознание у них неясное, какая-то тупость и придурковатость. И полное отсутствие сил.»

«А больные все прибывали и прибывали. Страшные, истощенные, отечные, голодные. Я помню, как долго-долго не было света. Больных в отделении было 370 человек вместо 250. Лежали в коридорах, на носилках, на полу. Во всем отделении было три коптилки. Пищу раздавали в темноте, ели в темноте. Больные друг у друга крали пищу, пользуясь темнотой.»

Клавдия также описывает ситуацию, происходящую в городе: с начала блокады город был в ужасном состоянии, однако позже улицы стали убирать, начали открываться магазины и жизнь постепенно возвращалась в город.

«Но начали усиленно говорить о необходимости наведения чистоты в квартирах и дворах. Что творится на улицах Ленинграда — это уму непостижимо. Наш домик обложен испражнениями со всех сторон. И так всюду. В каждой квартире выделена одна комната, в которой вместе с буржуйкой ютятся все обитатели квартиры. Копоть, грязь ужасающая! ... В комнате темно, грязно, и она никак не напоминает светлый, чистый кабинет.»

«Но все же улица уже не та. Почти не видно трупов, люди не такие уже инертные.»

«Тюшенька, если бы ты вдруг сейчас очутился в Ленинграде, он показался бы тебе ужасающим ... Мало похож Ленинград сегодняшнего дня на Ленинград, который ты знал, но мне сегодня (я ездила к нам в клинику) он показался очень красивым. Представить себе только, что эти голодные, опухшие женщины Ленинграда сумели его почистить, ведь он был весь — сплошь уборная. Теперь улицы чистенькие, пробивается травка в садах и на траншеях, по главным магистралям ходят трамваи, и сердце радуется, глядя на все это.»

«Ходят трамваи, магазины потихоньку открываются. У парфюмерных магазинов стоят очереди — это в Ленинград привезли духи.»

В дневнике также описывается изменяющееся отношение людей к смерти:

« ... «Все кладбище уставлено штабелями голых покойников, мы и своих положили». А тетя Дуня эпически спокойно рассказывает: «А вот вчера двое покойников были привязаны к саночкам, а сегодня вот валяются, а саночки из-под них взяли»... »

Также можно узнать и о том, как изменились сами люди во время блокады — они стали более агрессивными, с голоду ели всё мясо, которое могли найти, младшее поколение могло побить старших из-за еды. Люди также продавали еду, чтобы получить деньги, однако некоторые из них погибали от голода.

«Розина приятельница, врач, придя домой, застала такую картину: ее 15-летний сын бил по голове своего отца за то, что тот съел лишний блинчик. А другой врач из муфты своей жены украл ее дневной рацион хлеба.

Патологоанатом профессор Д. говорит, что печень человека, умершего от истощения, очень невкусна, но, будучи смешанной с мозгами, она очень вкусна. Откуда он знает???

Он же утверждает, что случаи продажи человеческого мяса участились. Один его друг пригласил его якобы на ужин, угостил на славу на второй день после смерти своей жены...»

«О том, что едят котов, и даже своих котов, говорят совершенно открыто. А вот лаборантка больницы Куйбышева съела 12 крыс (подопытных). Увидев ужас на лице слушающего, она говорит: «Я им сделала много реакций и совершенно убеждена, что они были здоровы». Должно быть, и моих морских свинок съели...»

«Но люди стали злы. Так ругаются в трамваях, так ненавидят друг друга.»

«А некоторые умирали по собственной глупости — все продавали. Умер у меня один повар. У него на все была установлена такса: каша — 30 рублей, кусочек шоколада — 25 рублей и так далее. А когда он умер, у него под подушкой нашли 1600 рублей, и не знали даже, куда их отослать...»

Через весь дневник видно улучшение положения, в котором находятся люди, относительно того, как они жили до этого. Дневник участника событий дает понимание того, как именно ощущали себя в то время очевидцы. Не смотря на общее ужасное положение дел, Клавдия Наумовна находит его не таким плохим к концу своего дневника, что говорит об адаптации к тому миру, в который были втянуты жители Ленинграда.

«Почти год назад я писала, что, если через две недели блокада кончится, будет не так много жертв, но если это протянется два месяца, то это будет страшно. И вот прошел почти год. Но это действительно было страшно. Как можно было продолжать работать и жить при этом потоке смерти и ужаса? А вот работали же.»